

10. Skurbaty, Zelim (ed.). *Beyond a One-Dimensional State: an Emerging Right to Autonomy?* Martinus Nijhoff Publishers, 2005.

11. Diergaardt et. al. v. Namibia. Communication No. 760/1997, U. N. Doc. CCPR/C/69/D/760/1997 (2000).

12. Grand Chief Donald Marshall et al. (Mikmaq people) v. Canada, Communication No. 205/1986.

13. Ivan Kitok v. Sweden. Communication No. 197/1985, UN Doc. CCPR/C/33/D/197/1985 (1988).

Ольга Анатольевна КУЗНЕЦОВА —
доцент кафедры гражданского права и процесса
Пермского государственного университета,
доктор юридических наук
kuznetsova_psu@mail.ru

УДК 341.215.4

МЕСТО ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы соотношения общепризнанных принципов и норм международного права с федеральными конституционными и федеральными законами, иными правовыми актами. Обосновывается вывод о приоритете общепризнанных принципов и норм международного права; определяется их место в системе источников гражданского права РФ.

SUMMARY. The issue of correlation between the established doctrines and norms of international law and federal constitutional and federal laws and other legal norms is under consideration in the article. The author proves the conclusion about the priority of established foundations and norms of international law and defines their place in the system of RF civil law sources.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Общепризнанные нормы и принципы, принципы международного права, источники гражданского права.

KEY WORDS. Generally recognized rules and principles, principles of international law, sources of civil law.

Общепризнанные принципы и нормы международного права давно признаны частью правовой системы России сначала в Конституции РФ (в 1993 г.), а вслед за ней и Гражданским кодексом РФ (в 1994 г.). При этом вопрос о месте этих принципов и норм в системе источников российского права, в том числе — гражданского, продолжает оставаться остро дискуссионным. Прав Ю.А. Тихомиров, указывая, что «...проблема соотношения международного и внутреннего права “приписана” пока к сфере науки международного права... Вместе с тем огорчительно почти полное отсутствие данной проблематики в рамках работ по теории права и государства, равно как и слабое внимание к ней отраслевых юридических наук. Пока величие “внешней тени” лишь молчаливо признается, и по-прежнему за ней не видят новых тенденций в мировом развитии права, сближении, своего рода переплетении разных его граней, тогда как системное понимание ч. 4 ст. 15 Конституции настойчиво диктует осовременить взгляд на эту проблему» [1; 3-4]. Нерешенность указанного вопроса и отсутствие «осовремененного» взгляда на место общепризнанных принципов и норм в российском праве привели к тому, что отечественные правоприменители либо отказываются

использовать международные принципы и нормы при разрешении гражданских дел, либо используют их с серьезными ошибками.

Источники общепризнанных принципов и норм международного права и их толкование определяются международным правом. Однако вопрос об их месте во внутреннем праве решается только самим государством. Например, в правовой системе США принципы международного права с учетом их юридической силы расположены после актов парламента и судебных решений высших судебных инстанций [2; 126]. В Российской Федерации нет однозначного ответа на вопрос о соотношении общепризнанных принципов и норм международного права с нормами Конституции РФ. Хотя большинство ученых считают, что коллизия между Конституцией РФ и этими нормами должна разрешаться в пользу Конституции, поскольку согласно ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы, в рамках которой нет актов, стоящих по своей юридической силе выше Конституции РФ [3; 8]. Однако есть и другие мнения.

Сложным представляется вопрос и о соотношении общепризнанных принципов и норм международного права с федеральными конституционными и федеральными законами. В литературе было высказано мнение, что общепризнанные международно-правовые нормы и принципы превосходят по юридической силе федеральные и федеральные конституционные законы [4; 64-75]. При этом в ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» закреплено, что «суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции Российской Федерации, федеральному конституционному закону, федеральному закону, общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу». Такая редакция статьи дает основание думать, что законодатель определили именно такую иерархию указанных источников права, хотя прямо об этом он и не говорит.

Вместе с тем в ст. 15 Конституции РФ закреплено, что если правила международного договора противоречат российскому закону, то применяются правила международного договора. Но при этом правила разрешения коллизий между нормами внутреннего российского права и общепризнанными принципами и нормами международного права Конституцией РФ не установлены. Означает ли это, что их юридическая сила ниже, чем у международных договоров? Некоторые ученые отвечают на этот вопрос положительно. Так, В.И. Андрианов пишет о возможности применять конституционную иерархическую норму ст. 15 Конституции РФ только в отношении общепризнанных принципов и норм международного права, облеченных в договорно-правовую форму акта [5; 117]. А если общепризнанный принцип или норма международного права содержится в международно-правовом обычае или в судебном прецеденте, то, следуя такой логике иерархии источников российского права, их следует поставить в ней после федеральных законов.

Основная проблема здесь, на наш взгляд, заключается в том, что в Конституции РФ разрешается коллизия только между нормами международных договоров РФ и внутренним законодательством (подчеркнем, в пользу первых). А в отношении разрешения коллизий между общепризнанными принципами и нормами международного права и внутренним законодательством ни конституционное, ни отраслевое законодательство прямого ответа не содержит. С.В. Черниченко справедливо обращает внимание на то, что особое место среди общеприз-

нанных принципов и норм международного права занимают основные принципы международного права, которые являются императивными нормами, отступление от которых невозможно даже в договорном порядке [6; 113]. То есть ни один международный договор не может устанавливать правило, противоречащее указанным международно-правовым принципам. Следовательно, основные принципы международного права в иерархии правовых источников по юридической силе стоят над международными договорами государства. И в случае несовпадения с правилами, установленными российскими законами, именно этим принципам должен отдаваться приоритет.

Но тогда возникает другая сложность. Понятия «основные принципы международного права» и «общепризнанные принципы и нормы международного права» — это несовпадающие понятия, они соотносятся как часть и целое. Думается, что по отношению к российским нормативно-правовым актам все общепризнанные принципы и нормы международного права должны обладать приоритетом. Во-первых, потому что российский законодатель не разграничивает общепризнанные принципы и нормы международного права на какие-либо иерархические группы, а использует одно, родовое понятие. Во-вторых, толкование такой категории как «общепризнанные принципы и нормы международного права» не должно происходить без учета международно-правовой и зарубежной конституционной практики, поскольку она заимствована российским законодателем именно оттуда. Например, в ст. 25 Основного закона Федеративной Республики Германии 1949 г. прямо указано, что «общепризнанные нормы международного права являются составной частью федерального права. Они имеют преимущество перед законами и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории Федерации». Ст. 28 Конституции Греции 1975 г. устанавливает, что «общепринятые нормы международного права, а также международные соглашения с момента их ратификации законом и вступления их в силу... являются неотъемлемой частью внутреннего греческого права и имеют приоритет перед любым противоречащим им положением закона» [7; 589. 647]. Как мы видим, Конституции ряда зарубежных государств отдают прямой приоритет общепризнанным принципам и нормам международного права перед внутренним законодательством. В-третьих, к наделению общепризнанных принципов и норм международного права высшей юридической силой нас подталкивает и их социальная и юридическая природа. Они отражают общечеловеческие идеалы, ценности, признаваемые всеми государствами и народами. Это самые широкие по своему содержанию правовые положения, некие правовые аксиомы, не требующие доказательств своего существования и нахождения в системе права. По своей юридической природе они выступают абсолютным, критерием, с которым должны согласовываться любые международно-правовые и внутригосударственные акты.

На это обстоятельство справедливо обращает внимание А.Н. Талалаев, который пишет: «Общепризнанные принципы и нормы международного права образуют так называемое общее международное право. Несмотря на их численное меньшинство, состоящее из них общее международное право является фундаментом всей системы современного международного права с его отраслями, подотраслями и институтами» [8; 66]. Общепризнанные принципы и нормы международного права уже давно рассматриваются как «мировые стандарты правомерного или неправомерного поведения» [9; 103]. Прилагательное «общепризнанные» означает, прежде всего, не столько «признанные всеми государствами», сколько «обязательные для всех государств». Большинство государств в конституциях закрепили обязательность соответствия внутреннего законодательства общепризнанным принципам и нормам международного права. Подобное волеизъявление государства

предполагает и иное: в случае противоречия должны действовать общепризнанные принципы и нормы международного права, иначе формулировки о необходимости соответствия им просто теряют всякий юридический смысл.

В этом отношении прав С.В. Черниченко: «По существу, когда речь идет об общепризнанных принципах и нормах, имеются в виду обычные нормы международного права. Правильным было бы поэтому говорить о том, что международно-правовые обычные нормы, наряду с договорными в случае их расхождения с правилами, содержащимися в российских законах, имеют перед ними приоритет» [6; 114]. Мнение о том, что в случае коллизии с российским законом общепризнанные принципы и нормы международного права в силу именно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ должны обладать тем же приматом, что и международные договоры РФ, высказано и А.Н. Талалаевым [8; 66].

Необходимость приоритета общепризнанных принципов и норм международного права обусловлена и объективными закономерностями развития права на современном этапе, тесным взаимодействием международного и внутреннего права, процессами глобализации, влекущими «интернационализацию и гомогенизацию права» [10; 84]. Глобализационные мировые процессы требуют сближения, правовых систем государств, приоритет общепризнанных принципов и норм международного права над внутренним правом — одно из важнейших условий соответствия национальных правовых систем друг другу. Это некоторый общий «знаменатель», под который государства подводят свое внутреннее право; если национальная норма этому знаменателю не соответствует, она должна выбраковываться и исключаться из внутреннего права, как законотворческим путем (через принятие соответствующих изменений внутреннего законодательства), так и правоприменительным (через разрешение коллизий в пользу общепризнанных принципов и норм международного права».

Думается, что общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников российского гражданского права должны обладать если не большей юридической силой по сравнению с международными договорами РФ, то, по крайней мере, такой же, а также находиться в иерархии источников гражданского права между Конституцией РФ и федеральными законами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихомиров Ю.А. Глобализация: проблема соотношения внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 3-4.
2. Гаврилов В.В. Действие норм международного права в правовой системе США // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 126.
3. Эбзеев Б.С. Конституция российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7. С. 8.
4. Пуговочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 64-75.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Карповича. М.: Юрайт-М; Новая правовая культура, 2002. С. 117.
6. Каламкарян Р.А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Воспитание поколения XXI века // Государство и право. 1998. № 7. С. 113.
7. Конституции государств Европы в 3 т. Т. 1 / Под ред Л.А. Окунькова. М.: НОРМА, 2001. С. 589, 647.
8. Талалаев А.Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // Государство и право. 1998. № 3. С. 66.
9. Щербакова Н.В., Лукьянова Е.Г., Скурко Е.В. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции // Государство и право. 2004. № 11. С. 103.
10. Лукьянова Е.Г. Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации // Государство и право. 2004. № 7. С. 84.